

На правах рукописи

БАБАНСКАЯ Екатерина Александровна

**ЧЕЛОВЕК АНТИЧНОГО БОСПОРА:
МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ОБРАЗ**

Специальность: 07.00.03 – всеобщая история
(история древнего мира)

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата исторических наук

Белгород – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель	Болгов Николай Николаевич доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения
Официальные оппоненты	Парфенов Виктор Николаевич доктор исторических наук, профессор кафедры «История Отечества и культуры» ФГБОУ ВПО Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А. Иваницкая Яна Юрьевна кандидат исторических наук, заместитель директора МБОУ «Гимназия № 5» (г. Белгород)
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

Защита состоится «04» июня 2015 г. в 16-00 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.015.11 при ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, зал заседаний Ученого совета, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Национального исследовательского университета «БелГУ».

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ <http://vak2.ed.gov.ru/> и на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» <http://www.bsu.edu.ru>

Автореферат разослан « » апреля 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент



И.Т. Шатохин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена тем, что частная среда и формы взаимоотношений внутри нее имеют огромное значение для понимания своеобразия человека любой эпохи прошлого, а также современности. Обращаясь к изучению человека в русле исторического развития, в данной работе делается попытка осветить как внешний, так и внутренний мир человека конкретного исторического периферийно-античного локуса, что поможет сделать более серьезные выводы об идеологии и мировоззрении человека античности, а также о его внешних репрезентациях.

Данная работа продолжает рассмотрение проблем истории и культуры античного Боспора, активно изучаемых в отечественной исторической науке. Наименее изученной до сих пор остается область духовной культуры. Исследование, в частности, рассматривает один из ее аспектов – роль и место человека в ней. Необходимость обращения к данной теме обоснована тем, что имеющиеся в отечественной историографии работы носят описательный характер, не дают исторической интерпретации и общей картины данного явления. Культурные процессы, зачастую, рассматриваются в отрыве от мировоззренческих, идеологических, а общественные процессы отрываются от человека. К тому же число археологических и эпиграфических источников постоянно увеличивается, что, соответственно, требует их обобщения. Тема по исторической антропологии имеет также непреходящую важность, прежде всего, в современных условиях поисков путей модернизации нашего общества. Анализ человека античного Боспора строится на основе концепции культурного взаимодействия, но не противопоставления культур. Особый акцент делается на социальных отношениях, которые прямо или косвенно отражаются в используемых нами источниках. Кроме того, образы и взаимоотношения боспорян рассматриваются с привлечением аналогий, как греческих, так и варварских.

Объектом изучения является человек на античном Боспоре, а **предметом** – его образ жизни, внутренний духовный мир, мировоззрение и формы внешних репрезентаций. Важно выявить особенности мировоззрения боспорян, показать влияние боспорского социума на межкультурное взаимодействие с варварами и греко-римским миром.

На Боспоре развитие новых эстетических форм протекало наиболее интенсивно. Именно здесь следует искать специфический локальный греко-варваризованный вариант как мировоззрения человека, так и его образа в изобразительных источниках, без чего трудно уловить детали происходившей эволюции, во многом утраченные, а чаще завуалированные в искусстве метрополии. Этим обусловлены **территориальные рамки** нашего исследования – Боспорское царство, располагавшееся на Керченском и Таманском полуостровах по берегам Керченского пролива.

Хронологические рамки охватывают время с IV в. до н.э. по III в. н.э., в силу характера имеющихся источников, так как именно этот цельный период наиболее полно представлен памятниками эпиграфики и изобразительного

искусства, которые позволят нам сделать обоснованные выводы о человеке античного Боспора. Ранний период истории Боспорского царства затрагивается лишь отчасти, так как одной из задач было прослеживание эволюции представлений о человеке и эволюцию самого человека, а значит, вызвало необходимость определить и зарождение этих представлений в регионе. Поздний период (с сер. III в.) уже значительно отличается от собственно античного.

Основной **целью** исследования является рассмотрение мировоззрения и образа человека на античном Боспоре.

В ходе разработки проблемы было поставлено несколько **ключевых задач**, сводящихся к следующему:

- сопоставить "мир эллинов" и "мир варваров" в формировании боспорского этноса;
- рассмотреть образ жизни и миропонимание боспорян;
- изучить и проанализировать мир чувств человека на основе эпиграфического материала;
- проследить становление и эволюцию представлений о человеке на основе памятников боспорского искусства;
- рассмотреть образ человека в изобразительных источниках Боспора и выявить используемые в них «идеологические» стереотипы.

Методологической основой исследования стал цивилизационный подход О. Шпенглера¹, А. Дж. Тойнби² и др., представляющий собой комплексное, системное использование методологических средств познания, в котором именно культура является основным элементом при смене исторических циклов. Второй важнейшей методологической основой является историческая антропология³. Не менее важен в исследовании и *историко-культурологический подход*, предполагающий изучение истории через рассмотрение исторических типов культур, также *компаративный* подход, подразумевающий сравнительно-исторический анализ культур в целом и ее отдельных аспектов. Весьма важен *принцип историзма* как способ изучения явлений в тесной связи с конкретными историческими условиями.

В ходе работы были использованы следующие **методы**. В основу положен общенаучный метод *системного анализа*, который предполагает рассмотрение явлений в их взаимосвязи и развитии в совокупности всех его составляющих существенных элементов. В результате *синтеза* – сопоставления и сравнения источников – были сделаны основные выводы. Особое место занимает универсальный *диалектический метод*, основанный на принципах всеобщей связи и развития, который является своеобразной стратегией научного исследования.

Среди методов исторической науки, в первую очередь, использовался

¹ Шпенглер, О. Закат Европы. В 2 тт. М., 1998.

² Тойнби, А. Дж. Постигание истории. М., 1991; М., 2006.

³ Сидорова, Л.А. Проблемы исторической антропологии // Отечественная история. 2000. № 6. С. 206-207; Ретина, Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 167-181.

сравнительно-исторический метод: в работе проводится ряд параллелей – аналогии использования образа человека в местном искусстве с общеэллинистическими тенденциями; *историко-генетический*, дающий возможность проследить истоки изучаемого явления и его происхождение – преемственность греческих традиций; *типологический* – выявление использования типовых формул в эпитафиях, *формально-стилистический* – описание художественной формы надгробных стел, с учетом как внутренней организации произведения, так и его внешнего облика, и *семиотический*, который позволил выявить «идеологические» стереотипы, используемые авторами. Важно отметить *просопографический метод* как анализ персоналий и выявление определенного круга лиц. Он позволил поставить ряд типовых вопросов о смерти, браке, месте жительства, роде деятельности, видах досуга и т.д. Применительно к памятникам изобразительного искусства также применялись *иконографический* и *иконологический* методы для исследования различных сюжетов и мотивов с целью определить их значение и смысл в контексте данной культуры и выявить отраженные в них черты миропонимания.

В исследовании частично привлекались и *методы современной психологии*. Культурно-историческая типология личности строится на ее статистически преобладающих характеристиках⁴. Предпринимается попытка представления культурно-исторического типа личности боспорянина.

Необходимо обозначить, что в историческом исследовании акцент сделан на применении «культурной интерпретации», т.е. рассмотрении объектов через призму культуры, оставаясь при этом «внутри» исторической науки (*методы семиотики и визуальных исследований*).

Источники. Принципиально важные для любого исторического исследования *письменные источники* в отношении истории Боспора почти «не работают». Исследователи боспорского феномена практически лишены исторических описаний, сделанных самими боспорянами. Имеется лишь то (немногое), что оказалось в сфере внимания внешних по отношению к этому миру античных авторов.

Работа любого исследователя истории Боспора в значительной степени облегчена В.В. Латышевым⁵, составившим свод сведений авторов классической традиции о Северном Причерноморье («Скифика и Кавказика»). Разумеется, текстология за столетие после В.В. Латышева уточнила чтение многих мест классических авторов, однако, применительно к Боспору это не имеет существенного значения.

«История» Геродота рассказывает о ряде обычаях скифов, оказавших влияние на мировоззрение боспорян. Описание образа жизни скифов мы находим и в «Географии» Страбона⁶. У Юлия Полидевка достаточно подробное описание внешнего вида и одежды скифов. Из рассказа Полиэна мы

⁴ Зайцев, А.И. О применении методов современной психологии к историко-культурному материалу // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 15-16.

⁵ Латышев, В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. В 2 тт. М., 1898 [Собрание текстов античной традиции о Северном Причерноморье в оригиналах и переводах].

⁶ Страбон. География в 17 книгах / пер., статья и ком. Г.А. Стратановского, под общ. ред. проф. С.Л. Утченко, ред. пер. проф. О.О. Крюгер. М., 1964. 938 с.

узнаем о любви боспорян к музыке. В «Истории» Аммиана Марцеллина упоминается об отношении местных скифских племен к смерти. Наиболее крупный отрывок о событиях истории Боспора принадлежит Диодору Сицилийскому (XX, 22-26) – о войне сыновей Перисада. Однако, нарисованные историком образы мало чем отличаются от типичных греков описываемого времени. Важны сведения Исократы и Демосфена⁷, которые в своих речах затрагивают боспорян. Ретроспективно также использовались отдельные места из поэм Гомера – основы античных представлений о человеке, а в качестве аналогий – отрывки из Менандра, Герода и других авторов, писавших на «бытовые» сюжеты.

В силу указанных обстоятельств основу источниковой базы данного исследования составляют *эпиграфические данные* – прежде всего, надгробные стелы с эпитафиями. Они являются наиболее информативным источником для исследования духовной культуры Боспора. Основная их масса опубликована в «Корпусе боспорских надписей» (Corpus Inscriptionum Regni Bosporani, CIRB) под ред. В.В. Струве в 1965 г.⁸ Этот корпус наследовал собранию В.В. Латышева IOSPE конца XIX в. и включил новые надписи, изданные за время после выхода предыдущего корпуса.

О найденных после издания КБН стелах со стихотворными эпитафиями мы узнаем из значительного количества отдельных публикаций. Среди наиболее важных из них – статьи С.Ю. Сапрыкина «Неопубликованная эпитафия из Горгииппии»⁹, А.И. Иванчика, В.П. Толстикова, А.В. Ковальчук «Новая надгробная эпитаграмма из Пантикапея»¹⁰, А.И. Болтуновой «Греческая метрическая надпись из Керчи», «Надгробная эпитаграмма жены Дия»¹¹ и др.

В самое последнее время началась публикация новой версии IOSPE под руководством А.И. Иванчика и И. Полинской, но пока вышел лишь 5 том, посвященный византийским надписям¹².

Боспорские надписи практически изначально сопровождались изображениями. Таким образом, вторым, не менее важным по значимости, видом источников для нас являются *изобразительные памятники* Боспора. Значительная часть изображений собрана в «Корпусе боспорских надписей: Альбом иллюстраций» (КБН-альбом)¹³, который является дополнением к КБН и включает в себя корпус изображений, иллюстрирующих эпиграфический материал. Были также использованы и отдельные публикации изобразительных памятников, которые содержат не только фотоиллюстрации, но и коммента-

⁷ Демосфен. Речи / Пер. с греч. В 3 тт. М., 1994.

⁸ Корпус боспорских надписей / Под ред. В.В. Струве. М.-Л., 1965. 951 с.

⁹ Сапрыкин, С.Ю. Неопубликованная эпитафия из Горгииппии // ВДИ. 2001. №1. С. 190-194.

¹⁰ Иванчик, А.И., Толстиков, В.П., Ковальчук, А.В. Новая надгробная эпитаграмма из Пантикапея // ВДИ. 2007. №1. С. 107-117.

¹¹ Болтунова, А.И. Греческая метрическая надпись из Керчи // Советская археология. Вып. I. М., 1959. С. 168-172; Болтунова, А.И. Надгробная эпитаграмма жены Дия // История и культура античного мира. М., 1977. С. 23-28.

¹² Древние надписи Северного Причерноморья / <http://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html>

¹³ Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб., 2004. XVI + 432с.

рии к ним. Например, это статья А.П. Ивановой «Надгробная стела вольноотпущенника Филофема»¹⁴, М.М. Кобылиной «Новый памятник боспорского искусства – стела Агафа»¹⁵ и другие.

Боспорский рельеф относится к категории мемориальной скульптуры, увековечившей память о конкретном человеке, имя которого точно указано в эпитафии. Вот лишь некоторые из них: Надгробный памятник Перигена, сына Асклеиада (Пантикапей, I в. до н.э., ПАН 1618); Надгробный памятник Гликарион, жены Эрота (Пантикапей, II-I вв. до н.э., ПАН 347)¹⁶; Афинский мраморный рельеф с изображением сыновей боспорского царя Левкона I (Афины, Национальный музей); Надгробие Дасхи и ее внучек (№217 KW, Британский музей); Надгробие Феофилы, дочери Марка (№219 KW, Британский музей); Надгробие воина Коллиона и его сестры Каллисфении (№249)¹⁷.

Помимо рельефных изображений на надгробных стелах, важную дополнительную информацию несут в себе также памятники собственно боспорской живописи – фрески расписных склепов, а также изображения на расписной керамике и коропластика местных боспорских мастеров. Рассмотрены, например, роспись склепа с изображением Деметры, где для нас представляет особый интерес изображение Калипсо; традиции портретной живописи – в группе стоящих воинов, изображенных на правой стене главной ниши Стасовского склепа; роспись каменного саркофага из Керчи представляет нам различные бытовые сюжеты – живописца-портретиста в мастерской, сцены загробной трапезы, группы из трех музыкантов, женщины с ребенком на коленках и др.¹⁸. Интересны отдельные памятники, в частности, чернолаковая солонка из Пантикапея, фрагмент статуэтки танцовщицы с флейтой, пантикапейский саркофаг, найденный в 1900 г.

Археологические памятники, обнаруженные на территории Боспора, будут рассмотрены и как самостоятельные произведения, и как проявление общегреческой культуры. В первую очередь, интерес представляют боспорские некрополи, набор инвентарного материала которых дает информацию о предметах быта, которые сопровождали боспорян при жизни, и общие представления о загробной жизни. В исследовании речь пойдет не только о реконструкции образа жизни по археологическим данным, но и о репрезентативном выражении способа мировосприятия боспорян¹⁹. Разновидностью археологического материала является *нумизматический* материал – ряд монет с изображениями.

Работа с источниками была облегчена изданиями материалов коллекций Государственного Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Керченского историко-археологического музея-заповедника. В коллекции ГМИИ хранится

¹⁴ *Иванова, А.П.* Надгробная стела вольноотпущенника Филофема // ВДИ. 1948. № 4. С. 154-158.

¹⁵ *Кобылина, М.М.* Новый памятник Боспорского искусства – стела Агафа // ВДИ. 1948. № 4. С. 85-90.

¹⁶ Античная коллекция Государственного Эрмитажа.

¹⁷ *Марти, Ю.Ю.* Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // Советская археология. 1941. Т. 7.

¹⁸ *Ернштедт, Е.В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.М. Максимова. М.-Л., 1955. С. 269-270.

¹⁹ Там же. С. 62.

ряд уникальных памятников, полученных в ходе раскопок Музея в таких крупнейших центрах Боспорского царства, как Пантикапей, Фанагория, Гермонасса. Наиболее важные и интересные из них, опубликованные в каталогах, мы использовали в своей работе. Также в работу включены фотографии надгробных стел, сделанные лично в ходе аутопсии в вышеуказанных музеях.

Необходимо учесть, что каждый вид источников включает достаточно большое количество предметов, рассмотреть каждый из которых в рамках одного исследования весьма сложно с исчерпывающей полнотой. Поэтому целесообразно остановиться на наиболее репрезентативных памятниках. Так, было составлено приложение, которое представило наиболее важные работы, которые стоит расценивать не как каталог, а как иллюстрацию к аргументации и выводам исследования. Все виды источников необходимо использовать в комплексе.

Степень изученности проблемы. Основные направления отечественной школы по изучению Причерноморских древностей сформировались в течение XIX столетия²⁰. Первые обобщающие публикации изобразительных памятников (М.И. Ростовцев, В.К. Мальмберг, Б.В. Фармаковский) разрабатывают метод иконографического анализа, предложенный Н.П. Кондаковым, дают анализ стиля отдельных произведений и на его основе составляют панорамную картину исторического развития²¹. В это же время готовятся первые эпиграфические своды (IOSPE). Отдельно отметим работы Ю.Ю. Марти, ценность которых для нас обусловлена описанием боспорских стихотворных эпитафий в комплексе с интерпретацией надгробных изображений²². В течение 2-й пол. XX – нач. XXI вв. источниковая база значительно пополнилась. Боспор стал важнейшим регионом археологических исследований для отечественной науки.

Теоретические основы нашего исследования находят опору в трудах, посвященных античной культуре, подготовленных А.Ф. Лосевым²³; М.Л. Гаспаровым²⁴; Н.К. Петровым²⁵; А.И. Зайцевым²⁶, глубоко проанализировавшими сущность античной культуры. Ю.В. Андреев²⁷ предпринял первую попытку современного анализа менталитета древних греков.

В историографии уже достаточно давно поставлены такие проблемы как дихотомия «грек-варвар», а также выявление «положительной» и «отри-

²⁰ Тункина, И.А. Русская наука о классических древностях юга России. СПб., 2002. 676 с.

²¹ Савостина, Е.А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. К., 2012. С. 41.

²² Марти, Ю.Ю. Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // Советская археология. 1941. Т. 7. С. 31–44; Марти, Ю.Ю. Стихотворная эпитафия Аристора, сына Аристорона // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXXII. Одесса, 1915. С. 116–118.

²³ Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974. 598 с.

²⁴ Гаспаров, М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М., 1997. 662 с.

²⁵ Петров, Н.К. Античная культура. М., 1997. 352 с.

²⁶ Зайцев, А.И. Греческая религия и мифология. СПб., 2004. 208 с.

²⁷ Андреев, Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1999. 401 с.

цательной» идеализации варваров в греко-римском мире²⁸. Все больше изучается именно атмосфера культурных контактов на территории Боспора²⁹. Наиболее значимыми для нас в этом вопросе стали отечественные исследования Е.А. Савостиной³⁰, К.К. Марченко³¹, и зарубежные работы таких авторов, как Т. Харрисон³², К. Влассопулос³³. Они позволили взглянуть на проблему сопоставления культур с разных позиций и сделать свои выводы по взаимодействию культур.

В обобщающей работе Е.А. Молева «Эллины и варвары на северной окраине античного мира»³⁴ есть аспекты, посвященные культуре, где не только приводятся данные по материальной культуре, но и их интерпретация в рамках исторического развития региона, а также затрагиваются вопросы ментальности боспорян.

Непосредственно изучению надгробных стел Боспора посвящена книга Т.А. Матковской «...Камень, изливающий немую скорбь»³⁵. Наиболее близки нам по замыслу и структуре статьи Т.А. Матковской «Образ боспорянки (по материалам Керченского лапидария)³⁶», «Декоративная скульптура из Керченского лапидария»³⁷.

Особый блок работ посвящен изобразительным источникам. Научную информацию о расписных боспорских склепах собрал и прокомментировал в еще в 1914 г. М.И. Ростовцев в монографии «Античная декоративная живопись на юге России»³⁸. Его главной заслугой стала разработка хронологии и классификации боспорских склепов, а также публикация живописных композиций их декора в объемном альбоме³⁹. Позднейшие исследования В.Д. Блаватского и В.Ф. Гайдукевича подтверждают в целом его датировки и другие выводы.

В 1953 г. вышло в свет монографическое исследование А.П. Ивановой «Искусство античных городов Северного Причерноморья»⁴⁰, где она рассматривала следы влияния искусства местных племен на Боспор с 1-й пол. V

²⁸ Грацианская, Л.И. Варвар этнический и варвар этический (проблемы источниковедения) // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 3-4.

²⁹ Braund, David. Scythian Laughter: Conversations in the Northern Black Sea Region in the 5th Century BC David Braund // Meetings of Cultures – Between Conflicts and Coexistence / Ed. by Pia Guldager Bilde, Jane Hjarl Petersen. Aarhus University Press, 2008. P. 347.

³⁰ Савостина, Е.А. Античность и варвары: возможность сопоставления культур // Материалы III археологического семинара: Античная цивилизация и варварский мир / Отв. ред. Б.А. Раев. Ч. II. Новочеркасск, 1993. С. 157-186.

³¹ Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К.К. Марченко. СПб., 2005. С. 7.

³² Harrison, Thomas. Greeks and Barbarians. Taylor and Francis, 2002.

³³ Vlassopoulos, Kostas. Greek and Barbarians. Cambridge University Press, 2013.

³⁴ Молев, Е.А. Эллины и варвары на северной окраине античного мира. М., 2003. 399 с.

³⁵ Матковская, Т.А. «...Камень, изливающий немую скорбь». Керчь, 2000. 94 с.

³⁶ Матковская, Т.А. Образ боспорянки (по материалам Керченского лапидария) // Боспорские исследования. Вып. II. Симферополь, 2002. С. 89-102.

³⁷ Матковская, Т.А. Декоративная скульптура из Керченского лапидария // Боспорские исследования. Вып. V / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Симферополь-Керчь, 2004. С. 529-537.

³⁸ Ростовцев, М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. 537 с.

³⁹ Яковенко, Э.В. К истории исследования боспорских расписных склепов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 45-46.

⁴⁰ Иванова, А.П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953. 192 с.

в. до н.э. на основе анализа памятников Боспора (в основном скульптурных). Также важны статьи того же автора «Боспорские антропоморфные надгробия»⁴¹, «Боспорская живопись»⁴², очерки «Скульптура и живопись Боспора»⁴³, «О некоторых особенностях боспорской живописи»⁴⁴ и др.

Наиболее обширную интерпретацию изображений человека в рассматриваемом нами регионе мы находим в работах В.Д. Блаватского «Искусство Северного Причерноморья античной эпохи»⁴⁵ и «История античной расписной керамики»⁴⁶; Г.И. Соколова «Искусство Боспорского царства»⁴⁷ с большой подборкой иллюстративного материала, однако, они вышли уже в достаточно давнее время.

Значительное число работ Е.А. Савостиной⁴⁸ также посвящено изобразительным источникам. Здесь мы находим историческую интерпретацию памятников материальной культуры, с прослеживанием эволюции, выявлением особенностей и авторским видением «боспорского стиля».

Различные аспекты духовной жизни отражены в целом ряде исследований Н.В. Молевой. Это, в первую очередь, детальное изучение антропоморфных надгробий⁴⁹, а также театра⁵⁰ и музыки⁵¹.

Одной из попыток уточнить методологию исследования образа человека была статья В.С. Ольховского «Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии»⁵² (2001 г.). Но это была лишь частная реконструкция и интерпретация по материалам одного памятника.

Единственная работа, концептуально близкая нашему исследованию – диссертация И.О. Евтухова⁵³, однако, она посвящена иному периоду и территории (запад Римской империи), и написана уже достаточно давно.

⁴¹ Иванова, А.П. Боспорские антропоморфные надгробия // Советская археология. Т. XIII. М.-Л., 1950. С. 239-254.

⁴² Иванова, А.П. Боспорская живопись // Археология и история Боспора. I. Симферополь, 1952. С. 187-204.

⁴³ Иванова, А.П. Скульптура и живопись Боспора. Очерки. Киев, 1961. 158 с.

⁴⁴ Иванова, А.П. О некоторых особенностях боспорской живописи // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.М. Максимова. М.-Л., 1955. С. 286-296.

⁴⁵ Блаватский, В.Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. 119 с.

⁴⁶ Блаватский, В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. 300 с.

⁴⁷ Соколов, Г.И. Искусство Боспорского царства. М., 1999. 532 с.

⁴⁸ Савостина, Е.А. Греческая периферия и особенности развития искусства на окраине эллинского мира // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 81-84.; Савостина, Е.А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. К., 2012. 392 с.

⁴⁹ Молева, Н.В. Антропоморфные памятники в погребальном обряде на Боспоре // Боспорские исследования. Вып. II. Симферополь, 2002. С. 103-108; Молева Н.В. Боспорские антропоморфные изваяния с обозначенными чертами лица (происхождение традиции) // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 121-125; Молева Н.В. К вопросу об этнической принадлежности и происхождении боспорских антропоморфных надгробий // Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»). II. Ереван, 1979. С. 364-369; Молева, Н.В. Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Нижний Новгород, 2012. 180 с.

⁵⁰ Молева, Н.В. Культ Диониса и театр на Боспоре // Античность и драматургия / Под ред. Н.Ф. Федосеева. Керчь, 2003. С. 65-76.

⁵¹ Молева, Н.В. Музы и музыка на Боспоре // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 61-64.

⁵² Ольховский, В.С. Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?) / Под ред. Е.А. Савостиной. М. - СПб., 2001. С. 144.

⁵³ Евтухов, И.О. Концепция человека поздней античности. Автореф. дисс. ... к.и.н. Минск, 1991.

Зарубежная историография в целом проявляла мало внимания к античному Северному Причерноморью и, в частности, к Боспору. Тема мировоззрения человека и его образа на Боспоре не привлекла специального внимания исследователей. Определенный круг привлеченных нами зарубежных публикаций носит скорее общий или теоретический характер.

Таким образом, обобщающих работ, исследующих непосредственно данную проблематику в отечественной и зарубежной историографии на сегодняшний день нет. Попытка максимально многогранно описать мир человека античного Боспора по эпиграфическим и изобразительным источникам в рамках исторического, а не искусствоведческого исследования предпринимается впервые.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем впервые:

1. изучено мировоззрение человека на Боспоре с использованием комплекса подходов и методов на основе как эпиграфических, так и изобразительных источников;
2. проведено исследование становления и эволюции представлений о человеке на Боспоре (с учетом синтеза античного и варварского влияния);
3. впервые выявлены «идеологические» стереотипы в создании образа человека (по изобразительным источникам);
4. проведен анализ различных форм взаимоотношений между людьми на Боспоре и различных аспектов проявляемых ими чувств;
5. установлен перечень характерных черт мировоззрения боспорян на основе комплексного анализа данных эпиграфики и изобразительных источников;
6. прослежена взаимосвязь духовно-культурного потенциала общества античного Боспора с социальными процессами;
7. составлено авторское Приложение на основе эпиграфической боспорской традиции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формирование мировоззрения и мировосприятия боспорян было обусловлено взаимодействием и взаимовлиянием «мира варваров» и «мира эллинов». На Боспоре проявились не обособленные, а скорее самобытные стороны взаимовлияния этих двух культур.
2. Уникально проявившееся на Боспоре сочетание «греческой» и «варварской» культур дало в результате своеобразный симбиоз восприятия человека и отношения к передаче его чувств и эмоций.
3. Межличностные отношения, виды деятельности, варианты поведения досуга определялись добродетелями мужчин и женщин, раскрывающими идеальный образ боспорянина и боспорянки.
4. Прослеженное частое сочетание выразительности и экспрессивности с упрощенностью и небрежным исполнением деталей в изображении лиц боспорян свидетельствует и доказывает обращение именно к внутреннему миру человека; внешний образ и правильность пропорций отходят на второй план, а главный акцент делается на передачу эмоций с помощью изображения лица.

5. «Идеологические» стереотипы, использованные местными мастерами Боспора: использование типовых сюжетных групп, рукопожатие, изображение «призрачных радостей», передача траура через позы, изображение религиозной печали и похоронной грусти вместо горя и страдания и др.

6. Данные эпиграфических и изобразительных источников не дают общей картины, а порой даже противоречат друг другу: по эпиграфическим данным прослеживается явная преемственность греческих традиций, а по изобразительным – напротив, заимствование сюжетов из жизни варварской среды. В своей бытовой повседневности на основе принципов греческой культуры боспоряне обнаруживали варварское влияние.

7. Образ человека на Боспоре, увиденный нами, основан на дихотомии – боспорянин был «греком внутри и варваром снаружи», то есть, несмотря на то, что многое в искусстве было действительно заимствовано у варварских племен, внутренне, ментально они все же в большей степени оставались греками.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем материалы могут найти применение в дальнейшем изучении истории и культуры Боспора, в частности, проблематике образа человека, его мировоззрения, а также синтеза культур. Материалы и основные положения диссертационного исследования также могут быть использованы при написании обобщающих трудов по всеобщей истории, в учебном процессе средних и высших образовательных учреждений при разработке лекционных курсов «Истории древнего мира», специальных и элективных курсов, посвященных вопросам истории и культуры Северного Причерноморья, межкультурных контактов.

Специальность диссертации **соответствует шифру специальности** 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира) согласно паспорту специальности, соответственно областям исследования областям исследования 2. История Древнего мира (история Античности), 8. История цивилизации, стран, народов, регионов, 18. Человек в истории, 19. Личность в истории. Персоналии.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования обсуждались на кафедрах всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ БелГУ; прошли апробацию в течение 2007-2014 гг. в виде докладов на различных научных конференциях в Москве (МГУ, ИА РАН), Санкт-Петербурге (ИИМК, Гос. Эрмитаж), Киеве (КНУ), Харькове (ХНУ), Одессе (ОНУ), Днепропетровске (ДНУ), Херсоне (ХГПУ), Саратове (СГУ), Самаре (СамЦ РАН), Севастополе (ЧФ МГУ), Керчи (ЦАИ «Деметра»), Бресте (БрГУ), Туле (ТГУ), Белгороде (БелГУ), и отражены в публикациях, в том числе, в трех изданиях по списку ВАК РФ.

Практическое знакомство с материалом было получено в ходе работы в различных археологических экспедициях на Европейском Боспоре в окрестностях Керчи, начиная с 2007 г.

Структура диссертации. Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** приводится обоснование актуальности выбранной темы, обозначаются объект и предмет исследования, приводятся хронологические и территориально-географические рамки исследуемой проблемы, формулируются цель и задачи работы, анализируется методология и дается обзор методов, проводится источниковедческий анализ, обозначаются научная новизна работы, ее практическая значимость и апробация исследования, а также приводятся положения, выносимые на защиту.

Глава I «Мировоззрение боспорянина» состоит из трех параграфов и рассматривает *миропонимание*, под которым подразумевается познавательная и интеллектуальная сторона мировоззрения, и *мироощущение* боспорян, которое составляет его эмоционально-психологическую сторону.

§ 1. *Эллины и варвары: взаимовлияние культур на Боспоре*. В результате уже самых ранних контактов пришлого и туземного населения на Боспоре сложился своеобразный вариант греко-варварской культуры, который имеет такой своеобразный облик, какого не встретить нигде в другом месте античного мира. Самобытная культура основной массы сельского - местного, негреческого населения Боспора, всегда составлявшего определенный процент («внутренние варвары»), не была ни поглощена, ни вытеснена греками. В интересном соединении с элементами последней местная культура продолжала жить и развиваться, усиливаясь постепенно до такой степени, что к первым векам нашей эры она уже в значительной мере определяла культурный облик многих центров Боспора. Здесь видно слияние трех основных этнических компонентов – боспорские (внутренние) варвары, внешние варвары и греческий элемент. По-видимому, роль эллинизации и варваризации как таковых здесь была достаточно относительна. Интенсивность этих процессов должна была бы привести к постепенной нивелировке двух присущих обоим мирам образов жизни. В ходе исследования была прослежена не обособленность, а скорее самобытность и взаимовлияние культур. На характере производства художественных изделий Боспора также неизбежно должен был отразиться неоднородный состав населения данной территории с двумя основными группами – греками-колонистами и местными скифо-сарматскими племенами. Поэтому именно предметы искусства выбраны для изучения мира человека на Боспоре, как его внешнего проявления, так и внутреннего содержания. Таким образом, процессы взаимовлияния в результате привели не просто к варваризации как снижению греческого, или эллинизации как «облагораживанию» варварского, а скорее к созданию уже относительно целостного культурно-исторического организма. Об этом необходимо постоянно помнить, используя предметы искусства в качестве источников для изучения мировоззрения боспорян.

§ 2. *Образ жизни и миропонимание боспорян*. Анализ надписей позволяет извлечь из них, главным образом, представления о быте и нравах того времени, охарактеризованных устами современников. История складывается из деятельности отдельных лиц, и как раз биографий конкретных людей,

живших в городах Боспора, сейчас известны лишь минимально. То немногое, что сохранилось в сочинениях античных авторов, мало затрагивает частную жизнь простых людей. Эпитафии – наиболее информативный источник для выявления межличностных отношений боспорян, а также по бытовой истории местного населения. Здесь прослеживаются родственные отношения, выбор личных имен, структура семьи, роль отпущенников, вскормленников, профессиональный состав, портретный характер изображений и мн. др. В эпитафиях также нашли отражение и такие темы как одиночество, разочарование скоротечной жизнью, несчастная любовь и многие другие, образующие круг основных эмоций и чувств человека. В символических же изображениях на надгробных камнях, в свою очередь, перед нами проходят все периоды человеческой жизни.

Для анализа повседневной жизни боспорян можно выделить ряд категорий, требующих особого рассмотрения на основе имеющихся источников:

- половозрастные категории,
- родственные связи,
- трудовая деятельность,
- досуг,
- чувства и эмоции.

Половозрастные категории и родственные связи представлены в двух основных видах источников наиболее широко. В сценах трапезы неоднократно участвуют супруги, их слуги, а иногда и дети. Глава семьи возлежит на ложе, его жена сидит в кресле. На стеле из Пантикапея на коленях возлежащего мужчины сидит его маленькая дочь. Запечатлена трапеза счастливой семьи, чья жизнь полна согласия и достатка. Но изображается лишь мнимый мир – призрачные радости. Большое внимание уделяется взаимоотношениям между супругами. Женщине-боспорянке судьба уготовила домашнее затворничество. Она всегда находилась в подчинении отца, брата, мужа. На нее возлагались все заботы по дому: воспитание малолетних детей, присмотр за рабами, ткачество, лечение домашних. Данные боспорских эпитафий во многом совпадают с данными греческой письменной традиции классического периода: добродетель женщины рассматривается только через её взаимоотношения с мужчиной: супругом, отцом, хозяином дома. С одной стороны, тип женщины, изображённой в эпитафиях, близок к патриархальному идеалу классической Греции (ионийские традиции сохранялись в течение долгого времени): она верная и любящая жена, сохранившая себя для мужа и, вероятно, переданная ему отцом, мать и хозяйка. В эпитафиях мы также встречаем благородство и скромность. В то же время, старый стереотип дополняется новыми, появившимися только в период эллинизма деталями: красота, мудрость, талант в области мусических искусств, в то время как прежние добродетели отходят на второй план (так, только в одной из известных нам эпитафий женщина названа «неподражаемой хозяйкой дома», в других надписях акцент сделан на внешней красоте и достойных восхваления чертах характера). Те же черты появляются в эллинистических эпитафиях из других районов античного мира. Интересно заметить, что не только обладание прекрас-

ной внешностью было важно для женщины, но и возможность «оставить свой облик в облике милых детей» (КБН, 144). Упоминаются в эпитафиях – теща, бабушка, дедушка, вольноотпущенники и рабы. Многие эпитафии упоминают детей (погребенных или оплакивающих родителей), а в искусстве эллинистического периода много внимания уделялось их изображению.

Трудовая деятельность. Некоторые надписи помимо своего функционального назначения дают достаточно полную содержательную информацию, рассказывая не только об обстоятельствах смерти, но и упоминая, чем занимался погибший еще при жизни. Появляется возможность реконструировать и виды деятельности боспорян того времени. Так, упоминаются купец (КБН, 142), учитель гимнастики (КБН, 129), и возможно винодел (КБН, 117): «... земля укрыла Гекатея, дышавшего вином (дословно Лене-ем)», хотя и не исключено, что Гекатей просто умер в состоянии опьянения или любил выпить. Образование и наука в эллинистических государствах стали факторами, имевшими не только производительное, но и мировоззренческое значение. Однако не следует забывать, что лица, занимавшиеся умственным трудом, все же оставались сравнительно небольшой частью всего населения Боспора, довольствовавшегося лишь началами знаний. Можно также высказать лишь некоторые догадки о тех людях, которые писали исторические труды на Боспоре. Они принадлежали к состоятельным семьям, имевшим возможность предоставить сыновьям хорошее гуманитарное образование; оно, в частности, давало навыки сочинения прозаических произведений и прививало привычку посвящать свой досуг интеллектуальным занятиям. Образцом такого человека может служить боспорянин Сопеид, учившийся в Афинах в знаменитой риторской школе Исократа (Dion. Hal. De Isocr. 18).

Досуг. Отдельно необходимо упомянуть о времени, не занятом различными видами труда, общественной деятельностью или войной, то есть о досуге; его наличие считалось отличительным качеством свободного человека. Археологические находки и некоторые известия античных авторов свидетельствуют, что боспоряне проводили свой досуг столь же разнообразно, как и греки в других античных государствах. Формы организации досуга можно разделить на частные и общественные. К первым относятся вечерние застолья с друзьями, игры в кости, шашки и охота. Важной составляющей мужского времяпровождения являлись симпозиы, т.е. пиршества, зачастую сопровождающиеся буйным весельем. Варвары также любили получать от жизни удовольствие. Гиппократ, например, писал, что скифы были толстыми, ленивыми и веселыми, и любили наилучшим образом провести время, распивая вино за братскую верность. Из литературных источников известно, что боспорский учитель музыки III в. до н.э. принимал участие в дельфийских соревнованиях. Известен в античном мире и боспорский философ Смикр. Описание правления боспорского царя Эвмела, сделанное неизвестным боспорским историком, включил в свою «Историческую библиотеку» Диодор Сицилийский. Как и все греки классической эпохи, жители Боспора придавали большое значение физической закалке и тренировке своего тела,

принимали участие в общественных играх и состязаниях, величайшей честью и славой считали победу в подобных состязаниях. Обучение танцам считалось столь же полезным, как и занятие гимнастикой. За последние годы в отечественной историографии уже появились работы, посвященные местной поэтической традиции на Боспоре. В боспорских эпитафиях (как и во многих древнегреческих надгробных надписях) достаточно закономерно акцент делается на содержательной части, несущей на себе информационную нагрузку. Характерные же для поэзии художественные приемы зачастую отсутствуют. Можно предположить, что данную тенденцию можно объяснить и взглядами на поэзию, которые резко отличались от современных. Не всегда поэзия была призвана нести, в первую очередь, эстетическую нагрузку. Анализ стихотворных эпитафий показывает, что боспорские поэты были хорошо знакомы с греческой лирической и эпической поэзией. Надписи составлены в обычных для эллинских эпитафий размерах, выдержаны основные каноны того времени. Через эпитафии греческое в своей основе население старалось в своем духовном и культурном развитии сохранять общность с метрополией. Памятники эпиграфики упоминают философов, учителей, гимнасиархов, поэтов, музыкантов, которые оставили после себя «живую память», «почетную славу» и книги. К сожалению, труды их не дошли до нашего времени. Остались только некоторые их имена: музыкант Исилл, участник состязаний и учитель, получивший образование на родине в III в. до н.э., Пасафиликата флейтистка, философ Стратоник и другие. Любовь боспорян к музыке надежно зафиксирована и в рассказе Полиэна, в котором описываются гастролы олинфского кифареда Аристоника в боспорских городах, собиравшие в театрах все городское население (Polyaen, Strateg. V, 44, 1). Игра на кифаре и других струнных инструментах считалась уделом людей знатных и богатых. Все это позволяет говорить не только о наличии местной поэтической традиции на Боспоре, но и проследить ее связь с другими видами искусства, так, поэтическое наследие является частью лирики, как соединения слова, музыки и танца. Все мастерство автора было направлено на эмоциональное состояние людей.

Проведенное исследование эпиграфических надписей, хронологически охватывающих IV в. до н.э. - III в. н.э., показало следующее: 8 стел датируются IV-III вв. до н.э. Основная же часть – это 16 эпитафий II-I вв. до н.э. и, что примечательно, 18 эпитафий I-II в. н.э. Сокращение числа эпитафий начинается около 2-й половины I в. н.э. То есть, несмотря на усилившееся варварское влияние и на общеэллинские тенденции, на Боспоре, вероятно, первые века нашей эры – это период расцвета поэтической традиции и такого более широкого явления, как лирика, в том понимании, как его воспринимали сами греки. Но важно отметить, что, возможно, это объясняется не столько утратой популярности эпиграммы как жанра в литературе, сколько усилением процесса варваризации и как следствие - ослаблением предпочтения к греческой поэзии у жителей Боспора.

Категории чувств и эмоций, как одной из важнейших составляющих жизни человека, полностью посвящен следующий параграф.

Таким образом, уже на данном этапе исследования на основе эпиграфической традиции удалось проследить некоторые аспекты образа жизни и мировоззрения боспорян. Сохранившиеся эпитафии позволили выделить межличностные отношения и родственные связи боспорян, религиозные представления о загробной жизни, а также реконструировать виды деятельности, варианты проведения досуга и социальные статусу. Упомянутые добродетели мужчин и женщин позволили сформировать представление об идеальном человеке.

§ 3. *Мир чувств: «человек страдающий» и «человек любящий».* Изучение эмоционального состояния людей на Боспоре условно обозначило две основные проблемы: это методы передачи чувств боспорскими мастерами и методологические подходы для изучения нами данного вопроса. В числе методологических сложностей следует назвать переход от отдельных казусов, исследованных нами, к обобщениям. Тесно связанный с нерешенными проблемами исторического синтеза, этот переход предполагает специальный анализ путей интеграции микро- и макроистории. Что касается подбора и интерпретации источников, то памятники художественного творчества - это как раз и есть эмоционально окрашенное материальное воплощение ценностных характеристик общества. Отражение в искусстве его «понятийного аппарата», выявление эстетических образов и норм позволяет проникнуть в систему идеалов общества и глубинные области верований.

Страдание и любовь – одни из важнейших эмоциональных сфер человека, играющие особую роль в его нравственном становлении. «Человек страдающий» и «человек любящий» - едва ли не важнейшие феномены в истории создания высших нравственных идеалов человечества, и интерес к ним более чем оправдан. Надгробные стелы Боспора, включая как сами изображения, так и эпитафии на них, позволили нам проанализировать человеческие чувства, которые во многом определялись отношением к смерти. Значительная часть эпитафий содержит в себе упоминание о загробном мире, что указывает на значимость этого вопроса для боспорцев. Насколько хорошо они представляли себе дальнейший путь души, судить сложно, из-за скудности информации. Семантика боспорских рельефов вызывает особый интерес. В ее расшифровке ученые видят взаимосвязь жизни умершего с потусторонним миром. Развивались на Боспоре и представления об умершем, как о герое. Большинство эпитафий делает акцент на уточнение обстоятельств смерти. Наиболее распространены описания ухода из жизни из-за болезни: «Алчная болезнь сгубила тебя, Калус...» (123, КБН); часто встречаются стелы погибших в бою: «Так умер ты от толпы неприятелей. Ведь и троянский Гектор пал среди передовых бойцов» (136, КБН). Об усилении индивидуально-эмоционального начала в жизни людей говорят и тематически иные эпитафии: в одном боспорском надгробии упомянут человек, который «унесенный любовью, предпочел смерть прекрасной жизни», - то есть покончил жизнь самоубийством из-за несчастной любви.

До наших дней сохранилось немало памятников древнегреческого искусства, тематически связанных с любовью и эротикой. Для кочевников сте-

пей чувства, видимо, не играли главную роль; они скорее были реалистами, для которых абстрактное и сложное обладало непреодолимой притягательной силой. Вся греческая культура и искусство – напротив, это гимн всепобеждающей силе любви. В символических боспорских изображениях на надгробных камнях перед нами проходят все периоды человеческой жизни и все проявления чувств. Эпитафии наиболее информативно позволяют выявить межличностных отношений боспорян. Создание семьи само по себе не было значимой ценностью: оно рассматривалось как необходимое условие для рождения детей. Упоминается о том, какой это редкий случай, когда в высшем слое общества многолетний брак прерывается смертью, а не разводом, как в те времена было чаще всего. Среди добродетелей женщины перечисляются почтение к богам, уважение к родителям, согласие с родственниками, стремление к добру и справедливости и неременное почитание мужа. Наименее уловимы в имеющихся на Боспоре источниках такие сложные вопросы, как мировоззрение и менталитет боспорской женщины. Для всех слоев женского населения Боспора имелись какие-то общие основы самосознания, связанные с представлениями общества о предназначении и месте в нем женщины. Наивысшие почести и самая высокая степень уважения воздавались женщине-матери. Родив детей, боспорянка достигала главного смысла своей жизни. Эпитафии раскрывают в полной мере любовь жителей Боспора к своим детям. Например, надпись на стеле Менодора и Гелиодора упоминает «несчастную мать, которая руками своими закрыла глаза двум сыновьям, не познавшим брака» (125, КБН). Также ярко выражена и любовь к родителям. «Под этой плитой... лежит Эммида..., принявшая самые последние почести от сына Энея. Да ниспошлют ему боги сладостные дары за почтение к родителям». Найдены и статуэтки женщин с детьми боспорского производства, например, терракотовая статуэтка сидящей женщины с ребенком на руках из Керчи первой половины III в. до н.э. Наряду с матерью почиталась и кормилица. Некоторые эпитафии прямо или косвенно указывают на опекунов. Недостаток сведений в письменных источниках на Боспоре по теме любви как раз прекрасно восполняют произведения изобразительного и прикладного искусства. Главным образом, материалами для изучения этой темы служат расписные вазы, бронзовые зеркала, обратная сторона которых украшалась гравировками, светильники с рельефным декором, каменная и терракотовая пластика. Эротическая тематика была широко представлена и на щитках светильников римского времени.

Уникально проявившееся на Боспоре сочетание «греческой» и «варварской» культур дало в результате своеобразный симбиоз восприятия человека и отношение к передаче чувств и эмоций. В связи с этим объясняется и значительный драматизм, внутренняя напряженность образов, реалистичная передача боли в художественных произведениях боспорских мастеров в сравнении с остальной античной ойкуменой. Это обусловлено, видимо, напряженным сосуществованием различных ценностей, представлений и культурных моделей (эллинских и варварских), зачастую, сочетавшихся в представлениях о миропонимании и системе ценностей одного и того же человека.

Таким образом, если говорить о целостной картине мира боспорян, то в отличие от греков Эллады, в своей религиозности первые были больше склонны к эсхатологичности и иррациональности. Житейская мудрость в суровых боспорских условиях, очевидно, играла значимую роль в мировоззрении и познании окружающего мира. На краю ойкумены было больше страхов и фобий, архаичные элементы религиозного сознания и образа жизни здесь были как бы законсервированы.

Глава II «Внешний облик и изображение людей на Боспоре» состоит из двух параграфов и рассматривает образ человека, под которым понимаются формы его внешних репрезентаций, визуальный образ, который можно представить благодаря анализу изобразительных памятников. В данном исследовании, которое является историческим, несмотря на использование отдельных методов культурологии, выделены особенности образа человека на Боспоре как отражение социокультурных процессов.

§ 1. *Образ человека на Боспоре: становление и эволюция.* Идеал греческого бытия в целом можно было бы выразить одним словом – гармония, понимавшаяся как соразмерное развитие внутреннего и внешнего в человеке, как единство интеллектуального, эмоционального и физического в становлении личности. Одним из принципов жизни, который стал основополагающим фактором греческого менталитета, был принцип так называемой калокогати, то есть разумного сочетания духовного и физического развития гражданина. Варварский же вариант развития культуры отличался несколько большей воинственностью, что не могло не повлиять и на формирование иного художественного выражения. Интересная мысль встречается у Аммиана Марцеллина в его «Истории» в отношении обитавших близ Боспора алан: «XXXI.2. (22) Как мирный образ жизни приятен лицам спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. Счастливым у них считается тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов...». Нужно отметить, что, несмотря на то, что объяснения греки и аланы дают разные – сохранение красоты или геройская смерть – и те, и другие отдают предпочтение смерти в более раннем возрасте. Прослеживание этой тематики на Боспоре осложняется опять же спецификой источников. Но анализируемые изображения создают образ или символ молодого, прекрасного человека, никак не связанного с миром живых, но и не погруженного в мир потусторонний. К тому же, разумеется, сложно говорить об уместности изображения как умерших, так и скорбящих о них родственников в расцвете красоты и жизненных сил. Как уже не раз отмечалось, характерной чертой боспорского искусства является особая связь его с окружающим «варварским» миром: тонкая наблюдательность ювелиров, позволявшая им создавать правдивые и выразительные образы скифов. Правдивая и убедительная передача облика варваров свидетельствует о хорошем знакомстве с ними художника. Роль варварского элемента определялась во многом спецификой контакта с тем или иным народом. Разумеется, нельзя забывать и об отличиях в среде самих варваров. Например, от подвергшихся сильному влиянию грече-

ской культуры скифов сарматы отличаются, прежде всего, большей грубостью как в образе жизни, так и в художественных вкусах. В их вооружении много общего со скифами. Внешний облик их такой же, как и скифов: длинные волосы и борода, восточная одежда. Характерны случаи, когда у антропоморфных фигур более тщательно выполнено изображение предметов вооружения – акинака, горита, что возможно, свидетельствует о первенствующем восприятии боспорянина-воина, а не боспорянина-человека. Вопрос о том, были ли предметы искусства с подобными чертами лишь социальным заказом варварской части общества или они отражали этнический тип современного боспорца, остается пока нерешенным. Изображения гражданина, как воина, как семьянина, появляются на Боспоре значительно позже, нежели в самой Греции. По-видимому, в изображениях преобладают не индивидуальные особенности лиц, а общие, типичные черты как женщины, так и мужчины. Но несмотря на это, в боспорских статуях явно выражены реалистические черты – яркая характеристика этнического типа и индивидуализации лиц. Позднее в изображениях уже нет выражения прежнего спокойного благодушного настроения и чувства довольства. На первый план выходит изображение всадника. Работы отличаются тщательной отделкой деталей рельефа, законченностью, художественной композицией фигур, правильным художественным обрамлением. Скульпторами воспроизводились не только все детали женского и мужского костюмов, но особенно тонкой отделке подвергались лица фигур. Художественный замысел в искусстве Боспора реализовался мастерами при помощи тех средств выразительности, которые отвечали эстетическим запросам местного заказчика – варваризованного боспорского грека или эллинизированного варвара, интеллектуальный и художественный потенциал которого вмещал всю полноту греческой и негреческой генетической памяти. Местная знать охотно принимала внешнюю культуру греков, а некоторые ее представители переселялись в боспорские города, где эти «огречившиеся» выходцы из местных племен становились затем полноправными боспорскими гражданами.

Таким образом, главная тенденция, которая просматривается в эволюции искусства Боспора, – это частое сочетание выразительности и экспрессивности с упрощенностью и небрежным исполнением деталей. Это может служить свидетельством постепенного обращения именно к внутреннему миру человека, когда его внешний образ и правильность пропорций отходит на второй план, а главный упор делается на передачу эмоций с помощью изображения лица. Так, вполне можно говорить о том, что в формировании и создании образа человека на античном Боспоре прослеживалась общая для культуры этого региона тенденция – сочетание греческого и "варварского" элементов.

§ 2. *Античная физиогномика и «идеологические» стереотипы в изобразительных памятниках Боспора.* Главная цель этого раздела – выявление и классификация визуальных репрезентаций. Каждый изобразительный объект необходимо рассматривать только в историческом контексте. Понять искусство периферии возможно именно через процесс ее формирования, обеспе-

чивающего материальную, функциональную и идеологическую преемственность культур и возможность следования определенному типу развития.

В античности выделялось три разновидности практической физиогномики:

- основные свойства этноса народа сводились к отдельному (типичному) его представителю;
- изучали каждого человека по отдельности: его внешность, соматическое строение, походку и т.д.;
- выявляли сходство черт животных с нравами людей.

Все эти принципы и сегодня могут служить своеобразными методами при изучении человека на античном Боспоре. Методы физиогномики применялись еще античными авторами, как правило, при изучении письменной традиции. Первые два способа в данном исследовании служат для выявления этнического компонента и личностных характеристик по изображениям.

Наличие «идеологических» стереотипов – характерная черта большинства древних мировоззренческих систем. Так как очевидно, что результаты контактов и взаимодействий греческой культуры и культур туземных "народов" нашли свое отражение и появились в изобразительных источниках, то важно наметить и систематизировать наиболее характерные черты боспорского искусства. Изобразительный текст как систему можно дифференцировать по его содержательному принципу на:

- антропологические;
- предметно-этнографические;
- фольклорно-дифференцирующие опознавательные элементы.

Мы видим пример реалистичных тенденций искусства на Боспоре, проявляющихся в стремлении придать изображаемому вполне определенный облик, черты которого могли быть подсказаны художнику окружающей его средой.

Сюжеты изображений на Боспоре разнообразны, традиционен образ покойного, раскрытый в четырех обычных типах – воин, победитель в состязаниях, гражданин, друг. Типичны образы юношей-воинов, воплощавшие представления о доблестном гражданине (в манере Поликлета). Еще один образ – боспорянина-семьянина в сцене заgrabной трапезы.

Боспорские мастера использовали несложные композиционные приемы. Они не передавали глубины пространства, располагая всех действующих лиц на первом плане. Главные герои всегда выделялись масштабно, а вокруг них группировались сопутствующие персонажи - родственники и слуги, фигуры которых были значительно меньше, а малолетние дети и прислуга достигали им только до пояса.

Бытовой жанр дает возможность передать особенности повседневной жизни. Эти картины можно условно разделить на действия в интерьере и на уличные сцены. Традиции же портретной живописи, так же, как и портретной скульптуры, могут быть прослежены на Боспоре, начиная с эллинистической эпохи. С полной уверенностью можно констатировать наличие индивидуальной характеристики лиц в одном замечательном памятнике боспорской жи-

вописи – в группе стоящих воинов, изображенных на правой стене главной ниши Стасовского склепа.

Особенно показательны в отношении передачи реализма случаи передачи в мимике лица отражения различных острых ощущений и переживаний, главным образом боли. Чтобы выразить свой замысел, передать чувства и настроения героев, ваятели применяли художественные приемы, допустимые канонами: это, прежде всего, композиционное решение, а также эффектная поза, жест, символика.

Попытка выделить и проанализировать элементы изобразительного текста (формулы), использованные местными мастерами Боспора, позволила дать оценку их историко-культурной информативности с целью адекватной интерпретации содержания рельефов. Вот основные из них:

- этнографический реализм – воспроизведение этнического типа (как свидетельство складывания самосознания боспорцев);
- сцены терзания, раскрывающие единство жизни и смерти;
- использование типовых сюжетных групп;
- расположение основных персонажей сцен прощания в центре;
- выделение за счет масштаба господ и рабов, закрепляющее систему социальных отношений;
- рукопожатие как традиционный жест прощания и знак сохранения не только ритуальной связи живого с умершим, но и памяти о покойном;
- отсутствие рукопожатий на надгробиях, которые поставлены обоим умершим супругам, как символ разобщенности;
- изображение "призрачных радостей" в сценах с образом боспорянина-семьянина;
- передача траура через позы;
- наклон головы, передающий переживания в сценах оплакивания;
- наклон головы как символ сдержанности и отрешенности от мира;
- условный траурный жест – изображение с поднесенной к лицу рукой, на которую опираются щекой;
- образ печальной женщины – одна рука поднесена к лицу, другая – прижата к руке;
- изображение религиозной печали и похоронной грусти вместо горя и страдания для передачи горделивого спокойствия;
- использование масок как символа перевоплощения, знаменующее переход умершего в новое состояние.

Передача внутреннего состояния человека на Боспоре долгое время ограничивалась определенными схемами, своеобразными штампами. На протяжении многих веков можно наблюдать постепенное развитие одного и того же мотива, и стремление мастеров к передаче духовного мира человека. С помощью различных приемов передаются черты характера и настроение.

Таким образом, анализируя внутренний мир и внешние репрезентации человека на Боспоре, необходимо отметить, что информация из двух основных видов источников – эпиграфических и изобразительных, зачастую, не дает нам одной общей картины, а порой даже противоречит друг другу. Если

по эпиграфическим данным просматривается явная преемственность греческих традиций, например, в сфере социальных отношений, то изобразительные источники говорят нам, напротив, о заимствовании сюжетов из жизни варварской среды. Данное противоречие можно объяснить своеобразием симбиоза греко-варварской традиции на Боспоре, который еще раз подтверждает уже давно утвердившееся в историографии понятие «Боспорского феномена».

Заключение представляет собой подведение итогов диссертационного исследования, содержит основные выводы и решение поставленных задач.

Образ человека, который здесь сложился, включал в себя некое противоречие – «боспорянин был греком внутри и варваром снаружи», то есть, несмотря на то, что многое в художественном искусстве было действительно заимствовано у варварских племен, внутренне они все же в большей степени оставались греками. Многовековой процесс эллинизации не подавил в местном населении основ самобытной культуры, включая и присущие ему некоторые обычаи; города Боспора развивались как симбиоз двух культур, в своеобразии которого и заложено его мировое историческое значение. Человек античного Боспора также двойственен. В его мировоззрении и его образе (внешних репрезентациях) сочетаются почти несочетаемые компоненты, создавая особый, периферийно-античный варваризованный вариант человека античности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях.

В изданиях по списку ВАК РФ:

1. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Изображение человека на Боспоре: проблемы методики исследования и интерпретации // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология Экономика. Информатика. № 19(90). Выпуск 16. Белгород, 2010. С. 16-19 (0,3 п.л.).

2. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Смерть и страдания на Боспоре // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология Экономика. Информатика. № 13(132). Выпуск 23. Белгород, 2012. С. 14-18 (0,4 п.л.).

3. *Бабанская, Е.А.* Методы интерпретации источников местной письменной и изобразительной традиции Боспора // Казанская наука. № 11. 2013. Казань, 2013. С. 29-34 (0,5 п.л.).

Монографии

1. *Красникова, (Бабанская) Е.А. и др.* Позднебоспорские портреты. Белгород, 2010. 50 с. (в соавт.) (авт. вклад 0,2 п.л.).

2. *Красникова, (Бабанская) Е.А. и др.* Комментарий // Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, 2010. С. 127-199 (в соавт.) (авт. вклад 0,3 п.л.).

Прочие публикации:

1. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Культура Боспорского царства как синтез греко-варварского взаимодействия (первые века н.э.) // XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки. Тула, 2007. С. 152-153 (0,1 п.л.).

2. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Боспор в первые века н.э.: проблема римского влияния // Актуальные проблемы исторической науки в студенческих исследованиях. Белгород, 2007. С. 16-19 (0,2 п.л.).

3. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Боспорские стихотворные эпитафии // Кондаковские чтения – II. Белгород, 2008. С. 129-133 (0,3 п.л.).

4. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Расцвет боспорской поэзии первых веков н.э. как возрождение классических ценностей греческой культуры // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев [Электронный ресурс]. М.: МГУ; СП Мысль, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. <http://www.lomonosov-msu.ru/2008/> (0,1 п.л.)

5. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Образ простого человека в боспорских стихотворных эпитафиях // Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае. Брест, 2008. С. 75-80 (0,2 п.л.).

6. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Иноземцы на Боспоре (по стихотворным эпитафиям) // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2008. С. 158-159 (0,1 п.л.).

7. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Боспор I-II вв. в системе периферии Римской империи // Межкультурная дистанция и межкультурный диалог в истории и современности. Материалы открытого регионального молодежного научного форума / Под ред. А.И. Репинецкого. Самара: СамНЦ РАН, 2008. С. 36-41 (0,4 п.л.).

8. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Лирика как синтез слова, музыки и танца в культурной традиции Боспора // Шевченківська весна. Історія. Вип. VI, ч. 2, т.1. Київ: КНУ, 2008. С. 207-208 (0,1 п.л.).

9. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Человек античного Боспора (по изобразительным памятникам) // Белгородский диалог – 2009. Проблемы российской и всеобщей истории. Белгород, 2009. С. 69-72 (0,3 п.л.).

10. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Художники, музыканты, танцоры и актеры на Боспоре как социальная группа // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород, 2009. С.45-48 (0,2 п.л.).

11. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Чувства и эмоции человека: методы передачи в письменной и изобразительной традиции Боспора // Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории. Белгород, 2010. С. 34-37 (0,3 п.л.).

12. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Предметы искусства как воплощение образа мира и человека на античном Боспоре // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2010. С. 178-180 (0,2 п.л.).

13. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Человек, физиогномика и «идеологические стереотипы» в изобразительных памятниках античного Боспора // Историчні етюди. Вип. 3. Дніпропетровськ, 2011. С. 32-35 (0,3 п.л.).

14. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Специфика представлений об идеале и красоте человека на периферии античного мира // Материалы докладов XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых уче-

ных «Ломоносов» [Электронный ресурс]. М.: МГУ, 2010. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. М., 2010 (0,1 п.л.).

15. *Красникова (Бабанская) Е.А.* Понимание и восприятие смерти на античном Боспоре // Материалы докладов XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2011 / http://lomonosov-msu.ru/uploaded/400/6268_832f.pdf (0,2 п.л.)

16. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Любовь на Боспоре: ее виды и проявления // Одиссос. III. Одеса, 2011. С. 201-203 (0,2 п.л.).

17. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Дети и детство на Боспоре // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2011. С. 49-50 (0,1 п.л.).

18. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Образ человека на античном Боспоре: греческое и варварское (по изобразительным источникам) // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 72-75 (0,2 п.л.).

19. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Источники воссоздания образа боспорянина: методы передачи чувств боспорскими мастерами // Лаборатория историка: источник и метод. М., 2012. С. 61-63 (0,2 п.л.).

20. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Образ человека на Боспоре и художественные приемы его создания // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2012. С. 41 (0,1 п.л.).

21. *Красникова (Бабанская) Е.А.* Представления о человеке на Боспоре: становление и эволюция // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XI (IV). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под ред. В.И. Кузицина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. С. 23-27 (0,4 п.л.).

22. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Предметно-этнографические элементы в искусстве Боспора: складывание этнического типа // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2013. С. 70-71 (0,1 п.л.).

23. *Красникова, (Бабанская) Е.А.* Греко-варварский синтез в создании образа человека на Боспоре римского времени // Новые материалы и методы археологического исследования. М.: ИА РАН, 2013. С. 101-103 (0,2 п.л.).